

УДК 811.161.1.23

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66

О. П. Ермакова
Калуга, Россия

Olga P. Ermakova
Kaluga, Russia

**ФУНКЦИИ СОГЛАСИЯ И НЕСОГЛАСИЯ
В ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЕ
(ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ)**

**FUNCTIONS OF CONSENT
AND DISAGREEMENT IN FRIENDLY CHAT
(PSIKHOLOGO-LINGUISTIC NOTES)**

В статье рассматриваются функции согласия и несогласия в естественном непринужденном общении. В центре внимания автора вопрос: всегда ли согласие собеседника с говорящим ожидаемо, всегда ли оно содержит положительный эффект, а несогласие – отрицательный? Материал, который приводит автор статьи, преимущественно в рамках жанра утешения, показывает, что нередко согласие имеет знак минус, а несогласие – плюс.

Рассматриваются также некоторые общие особенности согласия и несогласия, а также роль молчания в их выражении.

Ключевые слова: согласие, несогласие, иронические реакции как вид согласия и несогласия, косвенные ответы, утешение, молчание.

In article functions of consent and disagreement in natural easy communication are considered. In the center of attention of the author question: whether always the consent of the interlocutor with speaking is expected whether always it contains positive effect, and disagreement – negative? Material which is given by the author of article mainly within a consolation genre, shows that quite often consent has a minus sign, and disagreement – plus.

Also some general features of consent and disagreement and also silence role in their expression are considered.

Key words: consent, disagreement, ironical reactions as type of consent and disagreement, indirect answers, consolation, silence.

Сведения об авторе: Ермакова Ольга Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru
ermakowa_olga@mail.ru

About the author: Ermakova Olga Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department.

Place of employment: Tsiolkovsky Kaluga State University.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru
ermakowa_olga@mail.ru

Категория согласия и несогласия играет заметную роль в дружеском общении. На первый взгляд в большинстве случаев положительную роль играет согласие: оно ожидается собеседником в жанре утешения, оценки ситуации. Оно нередко необходимо одному из собеседников и несогласие может привести к конфликту. Некоторые примеры такого употребления согласия и несогласия:

1. Две близкие подруги. Одна жалуется другой на несправедливое увольнение.

А: Нет, ты подумай: я всего два раза опоздала, и он меня уволил. И сразу взял на мое место этого балбеса Яшина. Ну, не подлость ли это?

Б: Конечно, подлость.

Ты посмотри только. – Подруга сунула ценник, приклеенный на лоточек, ей под нос. – Цельнозерновой называется. Семьдесят шесть рублей! Ужас! А всего-то четыре булочки.

– Ужас, – согласилась Наташа. (Т. Устинова. Великая сила настоящего детектива).

2. Две приятельницы обсуждают внешность известной певицы, которая после рождения ребенка заметно располнела.

А: Какой вальяжной стала N.

Б: В ней прямо что-то королевское, особенно в этой шали.

А: По-моему, скорее купеческое.

Б [вспыхивая]: вы всегда назло мне не соглашаетесь и унижаете меня.

Другой случай.

Ситуация, когда один из друзей считает себя смертельно обиженным общим знакомым. На самом деле это сильно преувеличено, является следствием обидчивости и непомерного самолюбия «обиженного».

А: Он [обидчик] Подлец! Негодяй! Я теперь с ним здороваться не буду!

Б вместо, очевидно, ожидаемого согласия, солидарности с А пытается смягчить ситуацию: Ну ты уж зря так. Он, наверное, не хотел тебя обидеть и, возможно, даже не понял, что обижает тебя.

А [с яростью]: *Ах, конечно, о тебе он почему-то ничего не сказал!*

Это примеры наиболее обычных функций несогласия в диалоге приятелей или (чаще) подруг.

Однако нередки случаи, когда именно несогласие с говорящим играет положительную роль и служит в определенных случаях утешением говорящему.

В то время как согласие не только не желательно, но и может привести к конфликту.

Функции согласия и несогласия определяются прежде всего рядом психологических моментов: ситуацией, важностью темы и содержанием беседы (для обоих партнеров или хотя бы для одного), состоянием и характером беседующих и другими факторами. Исчислить все возможные в дружеском общении ситуации, разумеется, невозможно. В статье приводятся лишь некоторые, которые, по наблюдению автора, очень типичны.

Так, бывают ситуации, когда друг (чаще подруга) в сердцах жалуется на близкого человека – мужа, сына, дочь, брата, сестру и т. д.

А: *Нет, ты подумай – «Я ей [дочери] испортила жизнь», ну как можно быть такой наглой эгоисткой!*

– *Я просто не знаю, как теперь жить, никогда предположить не могла такого бессердечия: «Ты мне испортила жизнь!» – Это я-то!*

Б (подруга): (наблюдаются два варианта).

1-й – согласие с А: *Ой, это ужасно. Она вообще, я замечаю, часто ведет себя не как дочь и совсем тебя не ценит* (и так далее в том же духе). Это согласие с А в оценке дочери нередко вызывает неожиданную для Б реакцию: в лучшем случае недовольство, а может быть, и раздражение, и гнев. Мотив: *я-то могу ругать свою дочь (сына, брата, сестру), а ты – не имеешь права. Твоя-то чем лучше?*

Таким образом, согласие, солидарность с оценкой источника обиды вовсе не всегда желательны.

2-й вариант.

Б: *Ну что ты! Она хорошая девчонка. Она любит тебя. Это у неё нервный срыв: с работой не выходит, личной жизни нет. Ты её пожалей и прости.*

А: *Да, конечно, мне её жалко...*

В таких случаях «обвинитель» близкого человека подсознательно ждет опровержения собственного обвинения. И в этом находит утешение. Именно несогласие играет здесь положительную роль.

Конечно, варианты бывают и в этом случае. Как и многое в общении, это зависит и от характера общающихся. Но главное – различие в ситуациях: осуждение чужого (несвоего)

жаждет согласия с оценкой, может быть, еще более сильного осуждения.

Осуждение близкого человека подсознательно предполагает опровержение, поэтому несогласие играет положительную роль, выполняет функцию утешения.

Приведу еще одну ситуацию, когда несогласие желанно и утешительно.

Ситуация самокритики одной из подруг.

1. А: *Смотрела свои фотографии, где я 20 лет назад. На всех у меня большие глаза. Почему же сейчас такие маленькие?*

Б: *Да это тебе кажется. Совсем они не маленькие.*

2. А: *Иду на собеседование, а даже причесться не успела. На голове – воронье гнездо.*

Б: *Не выдумывай, нормальная ты.*

А (радостно): *Да! Я нормальная?*

Не так много людей, которые в таких ситуациях скажут приятельнице: *Да, неужели были большие? – Могла бы и причесться. Выглядишь ужасно.*

В случаях, когда один из общающихся жалуется приятелю (приятельнице), сообщая о неприятностях, неудачах в серьезных делах, о плохом диагнозе, потере работы и т. п., и представляет свою жизнь как исключительно несчастную. «*И за что мне всё это?!*», «*Что у меня за жизнь?! Ничего светлого!*»

Согласие с говорящим в оценке ситуации было бы не только не желательным, но нередко жестоким: «*Да, действительно жизнь у тебя ужасная, ни у кого такой нет*»

Один из примеров согласия, которое усугубляет состояние говорящего.

– *Мерзко! Подло!* – бормотал Путохин, возвращаясь домой после объяснения с начальством. – *И осрамился и место потерял... Подло, гадко!*

– *Хоть застрелиться впору!* – бормотал он.

– *Да, плохая история!* – соглашался сопровождавший его сослуживец Федор Елисеич. – *Всё бы ничего, но вот что скверно: место потерял! Это хуже всего, брат... Именно стреляться впору...* (А. П. Чехов. Беда).

Отмечу еще некоторые формы утешения, представляющие собой синкретизм согласия – несогласия или полусогласия.

По нашим наблюдениям, здесь существуют по крайней мере три модели.

1. «*Все такие же, у всех так*».

2. «*У меня тоже так, у меня не лучше*».

3. «*У других еще хуже (опасный вариант)*».

1. Разговор двух подруг среднего возраста. А. расстраивается из-за поведения сына: учиться не хочет, целые дни сидит в Интернете.

Б: *Ой, ты думаешь только твой так себя ведет, они сейчас все такие.*

Здесь есть невыраженное словами согласие: «ясно, что парень не золото», но...

После операции Макс ушел из больницы. Отец разговаривает с медсестрой.

– *Вы сильно так не беспокоитесь. Вы только следите, чтобы он корсет не снимал – четыре ребра сломаны, это не шутки.*

– *За ним проследишь...* – не удержался Борис Осипович. – *Вы же видите, какой он!*

– *Ох, да они все такие! Ничего, обойдется, дай бог вам всем здоровья...* (Е. Михалкова. Манускрипт дьявола).

Наблюдения показывают, что определенный тип людей, не желая осознавать себя неудачниками, радуется, узнав о ком-то с аналогичными неприятностями, бедами и т. п. «Не я один (одна)».

2. Утешение по модели «у меня не лучше» часто воспринимается положительно, даже более положительно, чем «у всех так»: психологически, видимо, в таких случаях рождается чувство солидарности и (теперь уже) потребность утешить бывшего утешителя. Ср.: *И твой (муж) тоже так? Ну, один к одному. Не повезло нам с тобой, но мы сильные женщины.*

3. А модель «у кого-то еще хуже» в зависимости от ситуации и характера человека может вызывать разную реакцию.

А: – *Все-таки сволочное у нас руководство: неужели нельзя было найти ставку!*

Б: – *Конечно, безобразия, но у тебя хоть полставки, а Н, говорят, даже четверти не дали.*

А: *Правда? Ну, чего тогда мне...*

В приведенных примерах и многих других наблюдается «полусогласие»: «да», но у других хуже.

А: *Почему ты не носишь короткие юбки?*

Б: *У меня ноги некрасивые!*

А: Ну и что. У Маши еще хуже, а она носит.

Естественно, что такое «утешение» – прямая обида. Ср. пример, который приводит С. Довлатов «Лева Дроздов говорил: “За что все так ненавидят евреев? По-моему, румыны и китайцы еще хуже”» (С. Довлатов. Ремесло).

В разговоре о юбках (и ногах) обида возникает из-за признания (согласия), что ноги некрасивые (вместо опровержения, возможно, ожидаемого).

В других случаях «у кого-то хуже» вызывает скорее недовольство. Человеку хочется исключительности: «у других это не так уже серьезно» и подобное утешение его раздражает. Хотя, некоторых людей сознание «у другого хуже» может утешить. Приведу пример из рассказа Ф. Искандера. Человек потерял отца, и друг, Зенон, приехал посочувствовать ему.

«Зенон обнял его, прижал к себе и постарался успокоить. Через несколько минут тот несколько успокоился и вдруг, приосанившись, сказал Зенону с интонацией собственной выгоды:

– *У тебя трое умерло, а у меня все-таки один...*

– Как он был хорош, – подумал Зенон, – когда рыдал у меня на груди, и как стал жалок и беден, когда пытался при помощи логики себя утешить» (Ф. Искандер. Утраты).

Конечно, утешение себя за счет других – проявление низменных чувств. Но это бывает.

Среди косвенных ответов есть такие, которые не выражают ни согласия, ни явного несогласия. Это случаи, когда на конкретный вопрос собеседник отделяется общей сентенцией о природе людей, о превратности судьбы и т. п.

– По-моему, его поступок – страшная подлость. – Ты так не считаешь?

– *Люди, к сожалению, не делаются лучше.*

– Ты правда веришь, что он виноват?

– *Жизнь полна неожиданностей.*

«Полчаса назад я страстно желал смерти, теперь же, когда горит свеча и возле меня сидите вы, я и не думаю о смертном часе. Объясните-ка вы эту перемену! Стал ли я богаче, или воскресла моя жена? Повлиял ли на меня этот свет, или присутствие постороннего человека?»

– Свет, действительно, влияет... – пробормотал я, чтобы сказать что-нибудь. – *Влияние света на организм...*» (А. П. Чехов. Рассказ без конца).

«– Пусть я виноват, но ведь я просил прощения, на коленях ползал! Я, если хотите знать, даже... плакал!

– *Да, женщины большая загадка.*» (А. П. Чехов. Ниночка) [1: 165–166].

И согласие и несогласие могут быть ироническими, и тем самым превращаться друг в друга.

Некоторые примеры иронического согласия.

«– Вы вот, например, пишете, что под казачком лошадь плясала. К чему это? Этого не надо... Вам надо работать над собой. Поехать куда-нибудь в деревушку и хорошенько поработать

– *Спасибо. Я непременно. В деревушку.*» (Тэффи. Как быть?).

В зависимости от степени несуразности совета ироническое согласие представляет более или менее явную насмешку.

Разговор двух приятельниц об общей знакомой – женщине лет 50.

А: *В. сильно похудела и выглядит очень молодо.*

Б: *Ну да, прямо как двадцатилетняя!*

А: Ну, она вам не кажется красивой, я зря сказала.

Особый вид иронического согласия – согласие с самой несущественной частью рассказа говорящего, не требующей никакой реакции.

1. N получил место без протекции. Он очень честный человек, очень. Он, кстати недавно женился. Ты не веришь этому, да?

– Нет, почему же, что женился – верю.

2. Герою романа в целях предостережения говорится о злой колдунье в деревне, куда он собрался ехать.

Он: «– А в деревне с кем-нибудь уже что-нибудь случилось?»

– Я точно не знаю, – нервно ответила рассказчица. – Но говорят... Вот... Недавно коза бабки Дарьи забрела в ведьмин огород и съела горох. А вечером пришла домой, легла и сдохла.

– Ты мне не веришь, да?

– Что коза сдохла? Верю». (Г. Куликова. Кошачий патруль).

Об этом явлении как о реакции на дискрипцию писала Е. В. Падучева, позднее – О. П. Ермакова и Е. А. Земская при анализе коммуникативных неудач [1: 60–61; 2: 150].

Ироническое несогласие.

А: Я думаю, он женился на ней по расчету.

Б: Ну что ты! Это была искренняя любовь... к её папе – генералу и пятикомнатной квартире.

Ироническое согласие и несогласие представляют собой обратимы: каждое выражает противоположность другому.

Можно заметить, что в естественной речи непринужденной беседы употребительнее ироническое согласие. Это больше соответствует природе иронии, а выражение согласия через отрицание того, с чем собеседник согласен – более сложный и не всегда оправданный путь. Ср. возможность выражения прямого согласия в приведенном тексте о мотивах женитьбы:

Конечно, по расчету – у неё папа генерал и пятикомнатная квартира.

И согласие, и несогласие могут быть фальшивыми. Но больше это свойственно согласию: фальшивое согласие (не обязательно ироническое) скрывает несогласие, а притворное несогласие вовсе не обязательно выражает согласие. Ср. случаи «самокритики».

А: Как я пойду в театр? Я же не успела сходить в парикмахерскую. У меня на голове воронье гнездо!

Б: Не выдумывай. Нормальная у тебя голова.

Б не соглашается с «самокритикой» А, очень возможно, притворяется, чтобы утешить подругу.

Но возможно полного несогласия с критикующей себя приятельницей тут все же нет: прическа могла быть получше, да и просто – не ах, но уж не «воронье гнездо».

И фальшивое согласие, и фальшивое несогласие могут иметь одни и те же цели: утешение собеседника, угождение (вышестоящему). Так, в рассказе Чехова «В пансионе» учитель Дырявин, добиваясь прибавки к жалованью, упорно доказывает начальнице, что таких красавиц, какой она была в молодости, сейчас нет. И, глядя на очаровательную девушку, по мнению начальницы, – образец красоты, отрицает это, про себя восхищаясь девушкой.

«– Дырявин отродясь не видал таких красавиц, как Пальцева, но жажда прибавки берет верх над справедливостью, и он продолжает доказывать “старой шельме”, что в настоящее время красавиц нет...»

– Ничего в ней нет хорошего, – угрюмо вздыхает Дырявин» (А. П. Чехов. В пансионе).

Но цель – прекратить разговор, «отвязаться» от собеседника больше свойственна согласию. Несогласие может скорее способствовать продолжению разговора.

Согласие может быть вынужденным. Это может быть из боязни противоречия (на стороне вынуждающего согласиться власть, сила) или из безразличия к тому, что утверждает говорящий. Ср.:

«– Хлеб сам родится в земле, мужик только щекочет ее сохой, как баба коровье вымя! Это неполный труд. Верно, хозяин?»

– Да, должно, так, – поддакнул накормивший их человек. – Ваша власть, вам видней.

– Дурак ты, кулацкий кум, – вмиг рассердился Копенкин. – Наша власть не страх, а народная задумчивость.

Сторож согласился, что теперь – задумчивость». (А. Платонов. Чевенгур).

Сторож, естественно, не может понять столь «глубокую мысль Копенкина», но отчасти опасается нового взрыва с его стороны, да и «пусть говорит, что хочет, спорить – себе дороже».

Еще пример.

«Я, помню, читал где-то, что у вас у всех (французов. – О. Е.) ум приобретенный, из книг, а у нас ум врожденный. Если русского обучить как следует наукам, то никакой ваш профессор не сравняется.

– Может быть... – как бы нехотя говорит Шампунь». (А. П. Чехов. На чужбине).

Шампунь – старик француз, бывший гувернер у помещика Камышева, в настоящее время живет у него на хлебном и вынужден выслушивать глупости и обидные слова любящего празднословить хозяина.

Может ли быть вынужденным несогласие? Очевидно, может.

Например, в ситуации допрашиваемого, который на вопросы отвечает искренне и правдиво, что отлично осознает и следователь. Но, получив установку – обвиняемого нужно посадить, не соглашается ни с одним его утверждением.

Молчание – знак согласия?

О роли молчания в коммуникации писали неоднократно. Исследовались и классифицировались виды молчания [3–13].

Не касаясь всех аспектов анализа молчания как языкового знака, рассмотрим кратко выражение молчанием согласия и несогласия.

Не вызывает сомнений, что это важный способ коммуникации. Как показывают наблюдения исследователей, молчание занимает разное место в общении представителей различных национальностей. Поэтому определять функции молчания по отношению к согласию и несогласию можно в пределах определенного этноса [9: 233].

В русском языке существует выражение «молчание – знак согласия», но оно вызывает сомнение. Гораздо более соответствует действительности высказывание Н. Д. Арутюновой: «Молчание есть знак самоустранения, а не согласия» [3: 110].

По нашим наблюдениям, молчание едва ли не чаще выражает несогласие. И хотя молчание – далеко не однозначно, выражаемое им несогласие легко прочитывается. Некоторые примеры.

«– Я же не кричал в прессе и по телевидению, что Гамсахурдия нам послал бог. Меня обвинили в антигосударственной пропаганде. “Какая же это пропаганда, если я молчу?” – возражал я. “–Да, ты молчишь, но молчишь против”» (Известия. 1999 18 дек.) [пример из: 10: 234]; «Все молчали против него» (А. Платонов. Котлован).

«Мосальский. Народ! Мария Годунова и сын её Фёдор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ безмолвствует» (А. С. Пушкин. Борис Годунов).

В тех случаях, когда согласие большинством выражается одобрительными возгласами, молчание одного (нескольких) понимается как несогласие.

Молчание в ответ на прямое предложение, вопрос, обращенный к собеседнику – это явное несогласие, часто невежливое. В самом деле, если говорящий спрашивает, согласен ли собеседник принять участие в чем-либо, а собеседник молчит, иначе как несогла-

сие это нельзя определить. Замена словесно выраженного несогласия молчанием может быть адекватной, но замена словесного [или жестового] выражения согласия – молчанием – отнюдь нет. Некоторые примеры:

«– У меня, знаешь, и денег почти нет. Мне в голову не приходило, что со мной можно так... Я вот билет купила, а там у меня всего ничего... осталось... Лиль, ну, разве так можно?!

Лилия сказала, что, разумеется, нельзя.

– И главное, знаешь, ничто не предвещало!.. А потом вдруг в один день: назначают Вишнякова, а меня увольняют! Он же меня всегда терпеть не мог. Нет, ну скажи, разве это не свинство?!

Лилия согласилась, что свинство». (Т. Устинова. Где-то на краю света).

Представить, что вместо выраженных форм согласия здесь могло бы быть молчание можно, только если Лилия хотела уклониться от ответа, а следовательно, не была согласна с подругой.

Молчание как согласие часто отождествляется с отсутствием возражения.

«– Сказывают, что вы Акулине новую избу поставили, – говорит Пелагея.

– Стало быть, она вам по сердцу...

– Счастье уж твое такое, судьба! – говорит охотник, потягиваясь.

– Терпи, сирота» (А. П. Чехов. Егерь).

Вторую реплику Пелагеи Егор также оставляет без ответа, хотя тут и нет слов автора «молчит».

В данном случае молчание, отсутствие возражений со стороны егеря можно толковать как согласие. Но это может быть и выражение нежелания отвечать, продолжать разговор на данную тему, а это не всегда одно и то же. Таким образом, молчание как протест может пониматься однозначно, молчание как выражение согласия, очевидно, как правило, нуждается в подкреплении другими невербальными средствами – жестами (кивком головы и др.). Ср.:

«– Кощей приходил, – зачем-то понизив голос, сообщила Леночка. – А меня еще не было. Мне секретарша сказала. Я думала, он сегодня на совещание поедет, в главк, как обычно.

Марина Денисовна степенно кивнула.

– Теперь орать будет, что я разваливаю дисциплину на предприятии.

Гришина снова кивнула» (Н. Солнцева. Следы богов);

«– Правда сегодня вертолет прилетит? – спросила Алла у спины Зои Петровны. Спина ничего не ответила, но как-то так дрогнула, что стало понятно – правда» (Т. Устинова. Ковчег Марка).

Возможный вывод: в оппозиции согласие/несогласие – несогласие, на наш взгляд, более сильный член.

Итак, согласие и несогласие в зависимости от ситуации несут различную психологическую и эмоциональную нагрузку. Как видно из примеров, нельзя утверждать, что согласие – это всегда «хорошо», а несогласие всегда «плохо», что только согласие предотвращает или устраняет конфликт, а несогласие его создает. Нередко именно согласие может вызвать конфликт, а несогласие его предотвратит.

Что касается молчания как выражения этих реакций на высказывание одного из субъектов общения, то, на наш взгляд, это скорее знак несогласия или устранения от ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
2. Падучева Е. В. Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // *Tekst i Zdanie / Zbior studiow.* Wroclaw; Kraków; Gdansk; Łódź, 1983. С. 139–160.
3. Арутюнова Н. Д. Молчание: Контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Облик слова: сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М.: РАН Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1997. С. 137–148.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
6. Ермакова О. П. Попытка типологии косвенных ответов // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 156–169.
7. Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: тез. докл. М. Наука, 1991. С. 49–56.
8. Крысин Л. П. Толерантность как фактор в речевом общении // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 253–259.
9. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 20 с.
10. Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 231–243.
11. Почепцов Г. Г. Молчание как знак // Научные ведомости. Сер. гуманитарных наук. 2010. № 18. С. 90–91.
12. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утверждение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 102–120.
13. Шалина И. В. Утешение как коммуникативная неудача // Русский язык сегодня. Вып. 6, Речевые жан-

ры современного общения. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 362–372.

REFERENCES

1. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [To creation of typology of communicative failures (on material of natural Russian dialogue)]. In: *Russkii yazyk segodnya. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 30–64 (in Russian).
2. Paducheva E. V. Problema kommunikativnoj neudachi v skazkah Lewis Carrolla [Problem of communicative failure in fairy tales by Lewis Carroll]. In: *Tekst i Zdanie. Zbior studiow.* Wroclaw, Kraków, Gdansk, Łódź, 1983. pp. 139–160 (in Russian).
3. Arutyunova N. D. Molchanie: Konteksty upotrebleniya [Silence: Use contexts]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyr rechevyh dejstviy* [Logical analysis of language. Language of speech actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 106–117 (in Russian).
4. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. Vozrazhenie pod vidom soglasiya [Objection under the guise of consent]. In: *Oblik slova. Sbornik statei pamyaty D. N. Shmel'eva* [Shape of a word. Collection of articles of memory of D. N. Shmelyov.]. Moscow, RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova, 1997, pp. 137–148 (in Russian).
5. Dement'iev V. V. *Nepryamaya kommunikaciya* [Indirect communication], Moscow, Gnosis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
6. Ermakova O. P. Popytka tipologii kosvennykh otvetov [Attempt of typology of indirect answers]. *Russkii yazyk segodnya.* Vyp. 5. Problemy rechevogo obsheniya [Russian today. Iss. 5. Problems of speech communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 156–169 (in Russian).
7. Kibrik A. A. Molchanie kak kommunikativnyi akt [Silence as communicative act] In: *Dejstvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli* [Action: linguistic and logical models: Theses of reports]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 49–56 (in Russian).
8. Krysin L. P. Tolerantnost' kak factor v rechevom obshenii [Tolerance as a factor in speech communication]. *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 5. Problemy rechevogo obsheniya* [Russian today. Iss. 5. Problems of speech communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 253–259 (in Russian).
9. Melikyan S. V. Rechevoj akt molchaniya v structure obsheniya [The speech act of silence in structure of communication]. Thesis Diss. Cand. Sci (Philol.). Voronezh, 2004. 20 p. (in Russian).
10. Norman B. Yu. Molchanie kak sposob kommunikacii [Silence as a way of communication]. In: *Kulturnye praktici tolerantnosti v rechevoj kommunikacii* [Cultural practitioners of tolerance in speech communication]. Yekaterinburg, 2004, pp. 231–243 (in Russian).
11. Pochepstov G. G. Molchanie kak znak [Silence as sign]. *Nauchnye vedomosti. Ser. gumanitarnykh nauk* [Scientific sheets. Ser. of the humanities]. 2010, no. 18, pp. 90–91 (in Russian).
12. Fedosyuk M. Yu. Kompleksnye ghanry razgovornoj rech: "utverzdenie", "ubezhdenie", "ugovory" [Complex genres of informal conversation: "statement", "belief" and "arrangements"]. In: *Russkaya narodnaya rech kak yavlenie gorodskoj kul'tury* [Russian informal conversation as phe-

nomenon of city culture]. Yekaterinburg, Argo Publ., 1996, pp. 102–120 (in Russian).

13. Shalina I. V. Uteshenie kak kommunikativnaya neudacha. *Russkij yazyk segodnya*. Вып. 6. Rechevye ghanry

sovremennogo obsheniya [Consolation as communicative failure. Russian today. Iss. 6. Speech genres of modern communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. pp. 362–372 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 09.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ермакова О. П. Функции согласия и несогласия в дружеской беседе (психолого-лингвистические заметки) // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 60–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66

For citation

Ermakova O. P. Functions of Consent and Disagreement in Friendly Chat (Psikhologo-Linguistic Notes). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 60–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66.